

UDC 81

Lingual Cultural Potential of Phraseological Units, Dating Back to Ceremonial Code

Irina A. Masaeva

Kabardino-Balkarian State University named by K.H.M.Berbekov, Russia
360004, Nalchik, Chernyshevsky, 173
PhD student
E-mail: rene1509@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of reflection of rites and customs in phraseology. The described phraseological units date back to maternity, sepulchral, marriage rites, the rite of hospitality, the rites of worshipping pagan gods, punishment customs. They include semantic symbols, reflecting ethnic collective experience, the system of peoples' worldview.

Keywords: Phraseological unit; rite; custom; code; worldview.

Введение. Данная статья посвящена изучению проблемы репрезентации особенностей этнического мировидения во фразеологии, которая в этом контексте рассматривается нами в широком ее понимании, то есть в ее состав включены и пословицы. При этом мы опираемся на определение пословиц, данное А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, как фразеологизмов со структурой предложения, имеющих «в своем значении идею всеобщности, иллюкативную семантику рекомендации или совета», характеризующихся «относительной дискурсивной самостоятельностью» [1]. В.Н. Телия паремии относит к «источникам культурно значимой интерпретации фразеологизмов», при этом она подчеркивает, что «большинство пословиц – это прескрипции-стереотипы народного самосознания, дающие достаточно широкий простор для выбора с целью самоидентификации – иногда из прямо противоположных максимум» [2].

Во фразеологическом фонде особоместозанимают образные единицы, отражающие очень важный элемент любой культуры – обычаи и обряды, которые, как известно, проецируют древнейшие представления этносов об окружающем нас мире и являются аккумуляторами информации не только о сакральной сфере этноса, но и других областях его жизнедеятельности – о материальной, социальной, духовной жизни народа. В.Н. Телия считает, что «ритуальные формы народной культуры», к которым она относит и обряды (сватовство, поминки), являются источниками культурно значимой интерпретации [3].

Материалы и методы. Материалом исследования послужили ФЕ, извлеченные из фразеографических источников [4-9]. В работе использованы метод сплошной выборки эмпирического материала, описательный метод, лингвокультурологический метод.

Обсуждение. Как правило, обряды, обычаи, ритуалы исследуются этнографами, фольклористами, культурологами, хотя они не в меньшей степени интересны и лингвокультурологам. Богатый репертуар фразеологизмов, в которых отложились факты духовной и материальной культуры этносов, безусловно, проливает свет на многие интересные с лингвокультурологической точки зрения факты, обогащающие национально-культурную парадигму миропонимания тех или иных этнических коллективов. Изучение фразеологии любого языка в таком аспекте «предусматривает обращение к его роли в общей фразеологической системе как носителя информации, существенной для этноса» [10]. В.П. Фелицына и В.М. Мокиенко считают, что фразеологизмы «отражают национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, особенности быта и культуры, исторические события и многое другое» [9].

Рассмотрим фразеологические единицы, в основе которых лежит обрядовый код. В отличие от других культурных кодов, в которых символизация лежит на поверхности, то есть «прочитывается легко», в обрядовом коде это не всегда возможно, так как конфигурации символа лежат внутри обрядового текста, который сам по себе условен, символичен. Обратимся к ФЕ, отражающим обряды поклонения языческим богам.

В кабардинской ФЕ «*Щыблэзэуам и гъунэгъурдоуИэбжъ*» – «соседи тех, кого ударила Щыблэ (молния), тоже переполошились» в значении «встревожиться» отразился обряд поклонения Щыблэ – богу грома и молнии. В месте, куда ударила молния, совершался обряд жертвоприношения, устраивались танцы в течение семи дней, особенно если был убит человек, три дня, если молния попала в животное, так как пострадавшие или погибшие от молнии причислялись к разряду священных. З.Ж. Кудаева пишет, что семьи, в чьи жилища попала молния «в течение года не работали и содержались односельчанами» [11]. В кабардино-черкесском языке в то же время лексема *щыблэ* в составе ФЕ *щыблэмхуэдэу* «злой, грозный, как молния» имеет явный пейоративный оттенок, что подчеркивает дуалистический характер божества. Об этом свидетельствует и проклятие *щыблэрзэуэн* «чтобы молния поразила». Этническая маркированность приведенных образных единиц обусловлена наличием ключевого национально-специфического компонента *щыблэ*, который придает им лингвокультурную ценность.

В русской лингвокультуре с образом Бога грома и молнии связаны ФЕ *метать гром и молнии/ метать перуны* (Перун, Громовик – бог грома и молнии) «выражать негодование, гнев, обрушиться на кого-либо с упреками, обвинениями, угрозами», *как гром среди ясного неба* «о неожиданном, внезапном происшествии, известии; непредвиденной, внезапно случившейся неприятности, беде». Языческие верования нашли свое отражение и во фразеологизме *четверг после дождичка* в значении «неизвестно, когда произойдет, совершится, сбудется; почти невероятно, нереально» [8]. Происхождение этого фразеологизма связано с тем, что в Древней Руси четверг был днем Перуна, покровителя дождя. Интересна в лингвокультурологическом плане русская поговорка *бык Миколы, баран – Илье*, в которой сохранился обряд поклонения Илье – покровителю молнии, которому приносили в Древней Руси в Ильин день жертву – быка, чтобы умиловать его, чтобы сохранить урожай от гроз.

Часть ФЕ детерминирована погребально-поминальным обрядом. Кабардино-черкесская ФЕ *хэдэИуситИмихэнын* «остаться у разбитого корыта» (досл. в обоих случаях поминки прозевать) связана с поминальным обрядом. Компонент *поминки* символизируют *алчность, неудачу*. Пословица «*ЗидеурмащИэм, и духъэр кИэщитц*» – «У кого деур мал, у того и дуа короткая» содержит два религиозных понятия *деур* «раздача денег в похоронной обрядности мусульман» и *дуа* «молитва в похоронном обряде», которые передают отношение носителей языка к процедуре похоронного обряда, сценарий которого во многом зависит от материального достатка семьи умершего. В другой поговорке «*Молэныкъуэ и цейр ктыхъци, хэдэИус цогугу*» (досл. у помощника муллы длинный кафтан, да к тому же добавлена плата за молитву) в значении «помощнику муллы тоже надо платить так же, как и самому мулле» отражено негативное отношение к религиозному служителю. Приведенные примеры показывают, что фразеологизмы соотносятся с определенными ситуациями реальной жизни людей.

Интересны и ФЕ, созданные на основе сценария обряда жертвоприношения, уходящего своими корнями в глубокую древность как «знак преклонения человека перед божеством, проявление покорности, благодарности» [12]. Вначале этот обряд был связан с культом умерших, который в более поздние времена развился в культ богов и принесение жертвы богам – умерщвление и поедание животного – барана, быка, козы и т.д., чтобы умиловать их, искупить грехи, например, ФЕ *козел отпущения* восходит к древнееврейскому обряду отпущения грехов с помощью особой молитвы, когда «в искупление греха полагалось принести в жертву барана и двух козлов. Баран сжигался, а из козлов один закалывался «в жертву за грех», а второго козла, на которого перекладывался грех всего народа молитвой, отпускали в пустыню, «чтобы он понес на себе их беззакония в землю непроходимую» [8].

Обряд жертвоприношения у кабардинцев, как и у других народов Северного Кавказа, связан как с печальными, так и с радостными событиями, например, с рождением ребенка, с бракосочетанием, исцелением от болезни, с религиозными праздниками. В языке бытуют различные ФЕ, отразившие данный обряд, например, фразеологизм *къурмэн фИэгъэжын* в значении «зарезать как барана, убить» восходит к обряду жертвоприношения в честь мусульманского праздника курбан-байрам. С ним связан и другой фразеологический оборот *ИэшырИыузэхэлъц* «все перепуталось» (досл.: суп из многих продуктов). *ИэшырИ* –

обрядовая еда, которую готовят из семи злаков на сороковой день после курбан-байрама. Она носит не только ритуальный, но и социальный характер. В кабардино-черкесском языковом сознании приведенные фразеологизмы ориентированы на факты, имеющие сакрально-символический смысл.

Символьные функции выполняет и фразеологизм *хьэрэмыгъэшхын* «обмануть, перехитрить», в основе которого лежит также обряд жертвоприношения, но в значении «съесть мясо животного, зарезанного не по общепринятому ритуалу». Компонент *харам* приобрел в кабардино-черкесском языке пересекающиеся переносные значения *хитрый, подлый, нечистоплотный*. Ценностная составляющая фразеологической единицы базируется на отрицательной коннотации заимствованной из арабского языка лексемы.

В контексте вышеизложенного следует отметить, что у адыгов в прошлом бытовал обычай приношения жертвы Огню. А.Т. Шортанов пишет: «В словарном фонде адыгского языка сохранилось слово *мафIэцхъэтыхъ* (мафIэ–огонь, цхъэ – голова, тыхъ–жертвоприношение)». Далее он приводит наставление, которое на русском языке звучит так: «Когда готовят жаркое, огонь угощается жиром» [13].

Некоторые ФЕ отражают свадебный обряд. Кабардинская ФЕ *нысацIэм техъэн* «впервые увидеться с невесткой» связана с обрядом знакомства невестки со свекром. В основе русского фразеологизма *от ворот поворот* (кому) первоначально лежал шуточный старинный русский обычай отказа от сватовства, при котором жених или его сваты уезжали домой, «поворачивая от ворот» приглянувшейся девушки» [8]. Позже он стал обозначать «полный, решительный отказ в чем-либо (давать, получать); требование уйти, удалиться», когда сватов не звали в дом и они уходили от ворот, что означало то, что жених не нравится.

Свадебный обряд отражен и в таких ФЕ, как *ударить по рукам* (обряд сватовства), *расплести косу* «выйти замуж». Лингвокультурологическая специфика их состоит в том, что они восполняют лакуны, которые существуют в «диапазоне современного культурно-национального самосознания и его знаковой презентации» [2].

Богатый лингвокультурологическую информацию содержат ФЕ, отражающие обычай гостеприимства. Кабардино-черкесские пословицы гласят: *«адыгэ мыгъуэмшыгъупIастэуигъэшхынц»* – «нищий адыг и тот угостит хлебом-солью», *«унэмзыцыгъасихасэ клуэ»* – «дома, научись вести себя, затем отправляйся в люди»; *«хъэцIэфI и бысымыбжэ зэIухац»* – «для хорошего гостя все двери открыты», *«хабзэмыцIэ жьантIакIуэц»* – «не знающий хабзэ идет на почетное место». Пейоративная оценка, заложенная последней пословице, основана на незнании этикета поведения – адыгехабзэ, который в данном случае выступает символом воспитанности. Как правило, на почетное место садится тамада, поэтому порицается нарушение принятого порядка [14]. Ср. с англ. ФЕ *sitbelowthesalt* «занимать скромное положение», отражающей субординацию за столом, однако, в отличие от адыгов, у англичан почетное место за столом занимают в соответствии с социальным статусом.

С обычаем гостеприимства связан русский фразеологизм *подносить (подавать, подать) на блюдечке (тарелочке, блюде)* «с ритуальной символикой серебряного или золотого блюда, на котором гостям подносили лакомые явства» [8]. Национально-культурная маркированность данной ФЕ определяется только при обращении к этимологическим данным, хотя семантика ее, на первый взгляд, достаточно прозрачна.

В этническом мировидении народов сохранились различные обычаи наказания человека за тот или иной проступок, которые также вербализованы во фразеологизмах. Так, нарушение морально-этических норм, предписанных в адыгском обществе получало всеобщее осуждение, о чем свидетельствуют пословица *псоми я цхъэр фIухац* «опозорила» (досл.: обезглавила всех в доме), в которой компонент *обезглавить* означает в переносном смысле «лишить чести, достоинства семьи (дома)», ФЕ *напэр текIын* «опозориться» (досл.: потерять девичье лицо), лексема *апэ/лицо* символизирует честь девушки. Невесту, оказавшуюся не девственницей, возвращали дом на повозке без покрывала, что также отразилось в пословицах *абы я пхъум и цхъэтепхъуэржъымтрихац* (досл.: покрывало их дочери сдуло ветром), *абы я пхъургуфэпцIанэкIэкъашэжац* (досл.: их дочь привезли на голых оглоблях). Компонент покрывало символизирует также девичью честь: невесту в дом жениха в прошлом везли на повозке, покрытой красной материей. Красная материя –

символ девственности. С.М. Толстая пишет: «Семантическая сторона символики девственности в противоположность формальной, субстанциональной стороне не отличается разнообразием. В основе семантики большинства символов лежат две оппозиции: оппозиция цвета (красный цвет как символ девственности и другие цвета – белый, черный, синий, розовый – как символ «нечестности» невесты)» [15].

Приведенные выше образные единицы имеют глубинный смысл. Обряды позорного наказания невесты за «нечестность» были нацелены «не только на то, чтобы человек раскаялся в содеянном, но и на то, чтобы люди знали, что нельзя нарушать морально-этические нормы, принятые в социуме» [16]. С.М. Толстая пишет о ритуале «обезвреживания» нечестной невесты», так как такая невеста, по поверьям, «представляет собой опасность не только для своей семьи, своего рода, и для всего социума и даже всего миропорядка» [15]. Кроме того, невинность девушки была своеобразным залогом успешности семьи в будущем, брачной жизни без обмана.

Результаты и выводы. Моделирование фразеологических единиц с опорой на обряды и обычаи не случайно. Приведенные выше фразеологические единицы как элементы ментального сознания носителей языков представляют собой этноспецифическую когнитивную обработку результатов постижения действительности в прошлом и как следствие этого – способ познания окружающего мира сегодня.

Примечания:

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008. 656 с.
2. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 13-24.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
4. Бербеков Б.Ч., Бижоев Б.Ч., Утижев Б.К. Школьный *фразеологический словарь* кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эльбрус, 2001. 240 с.
5. Емузов А.Г. Англо-кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик, 1992. 368 с.
6. Карданов Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь. Нальчик, 1968. 341 с.
7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1984. 544 с.
8. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. М.: Русские словари, Астрель, 2001. 856 с.
9. Фелицына В.Н., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. М.: Русский язык, 1990. 220 с.
10. Аликаев Р.С., Башиева С.К. ФЕ как транслятор этноспецифической информации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2010. № 4. С. 106-109.
11. Кудаева З.Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. Нальчик: Эльбрус, 2008. 296 с.
12. Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Издательство политической литературы, 1990. 622 с.
13. Шортанов А.Т. Адыгские культы. Нальчик: Эльбрус, 1992. 165 с.
14. Мафедзев С.Х. Адыгэхабзэ: обычаи, традиции. Нальчик, 2000. 359 с.
15. Толстая С.М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 368 с.
16. Башиева С.К. Когнитивно-прагматические особенности ФЕ в художественном тексте // Материалы Международной конференции «Язык, культура, этикет в современном полиэтничном пространстве». Нальчик, 2011. С. 111-116.

References:

1. Baranov A.N., Dobrovolskii D.O. Aspekty teorii frazeologii. M., 2008. 656 s.

2. Teliya V.N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury // Frazeologiya v kontekste kul'tury. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1999. S. 13-24.
3. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. M.: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996. 288 s.
4. Berbekov B.Ch., Bizhoyev B.Ch., Utizhev B.K. Shkol'nyi frazeologicheskii slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka. Nal'chik: El'brus, 2001. 240 s.
5. Emuzov A.G. Anglo-kabardino-russkii frazeologicheskii slovar'. Nal'chik, 1992. 368 s.
6. Kardanov B.M. Kabardino-russkii frazeologicheskii slovar'. Nal'chik, 1968. 341 s.
7. Kunin A.V. Anglo-russkii frazeologicheskii slovar'. 4-oe izd., pererab. i dop. M.: Russkii yazyk, 1984. 544 s.
8. Melerovich A.M., Mokienko V.M. Frazeologizmy v russkoi rechi: slovar'. M.: Russkie slovari, Astrel', 2001. 856 s.
9. Felitsyna V.N., Mokienko V.M. Russkie frazeologizmy. M.: Russkii yazyk, 1990. 220 s.
10. Alikhaev R.S., Bashieva S.K. FE kak translyator etnospetsificheskoi informatsii // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Pyatigorsk, 2010. № 4. S. 106-109.
11. Kudaeva Z.Zh. Mifopoeticheskaya model' adygskoj slovesnoi kul'tury. Nal'chik: El'brus, 2008. 296 s.
12. Tokarev S.A. Rannie form religii. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1990. 622 s.
13. Shortanov A.T. Adygskie kul'ty. Nal'chik: El'brus, 1992. 165 s.
14. Mafedzev S.Kh. Adygekhabze: obychai, traditsii. Nal'chik, 2000. 359 s.
15. Tolstaya S.M. Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury. Ocherki po slavyanskoi etnolingvistike. Izd. 2-e. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2011. 368 s.
16. Bashieva S.K. Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti FE v khudozhestvennom tekste // Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii «Yazyk, kul'tura, etiket v sovremennom polietnicheskom prostranstve». Nal'chik: 2011. S. 111-116.

УДК 81

Лингвокультурологический потенциал фразеологических единиц, восходящих к обрядовому коду

Ирина Анатольевна Масаева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова, Россия
360004, г. Нальчик, Чернышевского, 173
Аспирант
E-mail: rene1509@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме отражения во фразеологии обрядов и обычаев. В ней рассмотрены ФЕ, восходящие к родильным, погребальным, свадебным обрядам, обряду гостеприимства, обрядам поклонения языческим богам, обычаям наказания. Они содержат в семантике символы, которые отражают этнический коллективный опыт, систему миропонимания народов.

Ключевые слова: фразеологическая единица; обряд; обычай; код; миропонимание.